

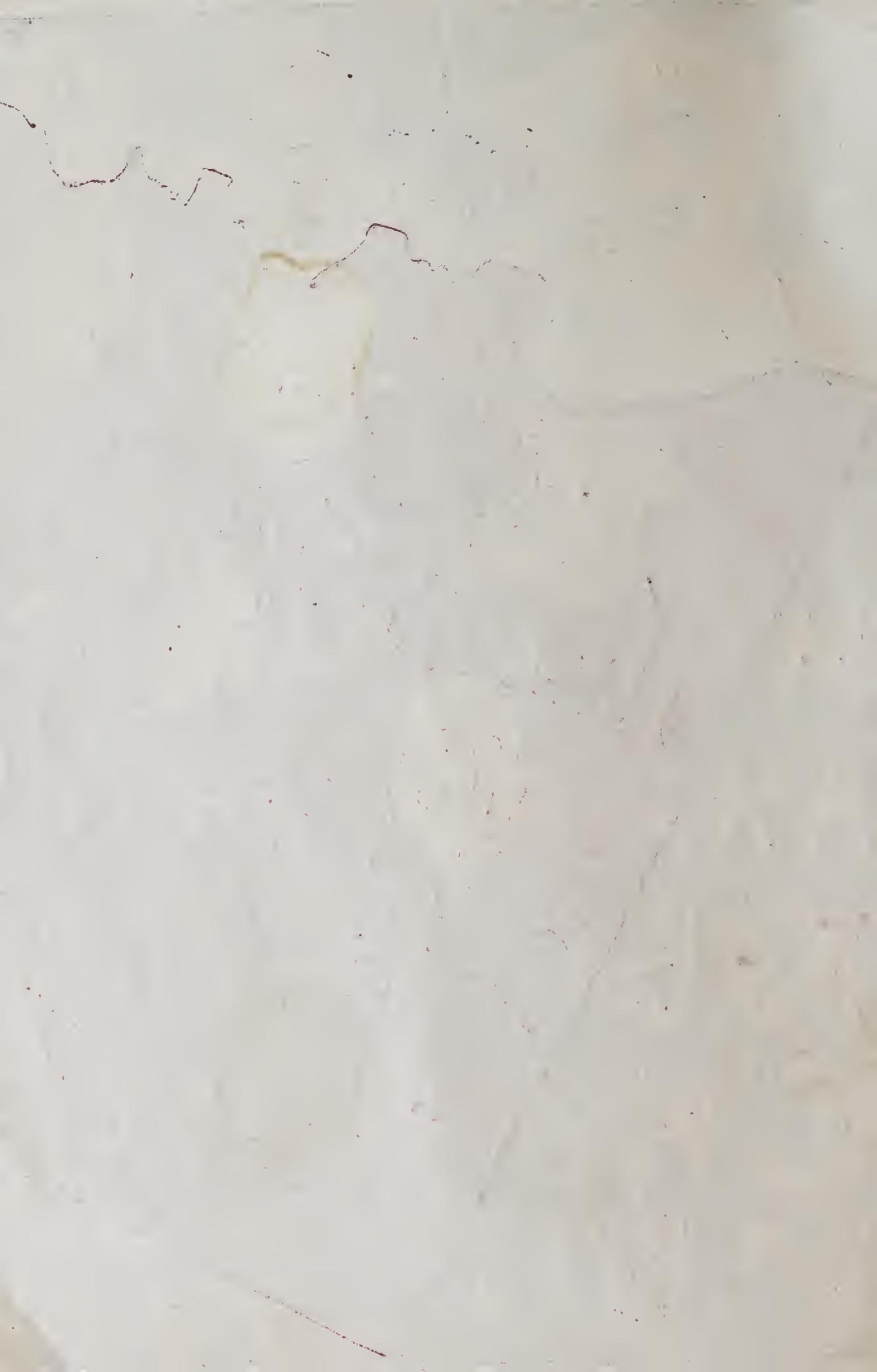
МАЯКОВСКИЙ.

Тиньков
Тюанкар

Вандер

Муса

КРАСНАЯ НОВЬ

МАЯКОВСКАЯ

ГАЛЛЕРЕЯ

(те кого я никогда не видел)

ПУАНКАРЭ

МУССОЛИНИ

КЕРЗОН

ПИЛСУДСКИЙ

СТИНЕС

ГОМПЕРС

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

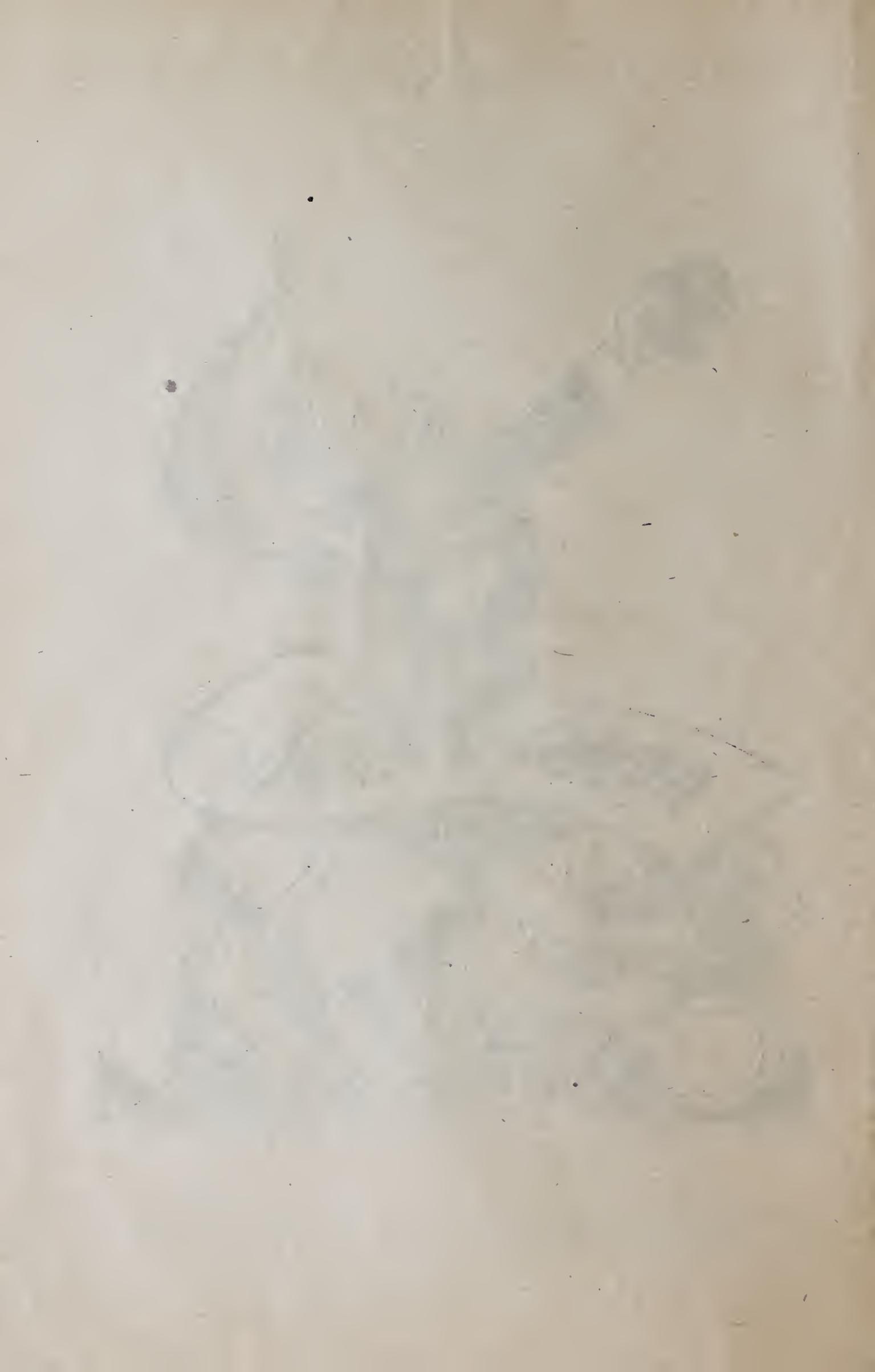
Главлит. № 13830.

Тираж 10.000 экз.

Месподиграф* — 20-я типография „Красный Пролетарий“. Пименовская ул., д. 1/16.

ПУАНКАРЕ.

Мусье!

Нам

ваш

необходим портрет.

На фотографиях

ни капли сходства нет.

Мусье!

Вас

разница в деталях

да не вгоняет

в грусть.

Позируйте!

Дела?

Рисую наизусть.

По политике глядя,

Пуанкарэ

такой дядя:

Фигура

редкостнейшая в мире —

поперек

себя шире.

Пузо —

ест до сыта.

Лысый.
Небольшого роста —
чуть
больше
хорошей крысы.
Кожа
со щек
свисает,
как у бульдога.
Бороды нет,
бородавок много.
Зубы редкие —
всего два,
но такие,
что под губой
умещаются едва.
Физиономия красная,
пальцы тоже:
никак
после войны
отмыть не может.
Кровью
двадцати миллионов
и пальцы краснеют,
и на
волосенках,
и на фрачной коре.
Если совесть есть, —
из одного пятна
крови
совесть Пуанкарэ.

С утра
дела подают ему;
пересматривает бумажки,
кровавит папки.
Потом
отдыхает:
ловит мух
и отрывает
у мух
лапки.
Пообрывав
лапки и ножки,
едет заседать
в Лигу наций.
Вернется, —
паклю
к хвосту кошки
привяжет,
зажжет
и пустит гоняться.
Глядит
и начинает млеть.
В голове
мечты растут:
о, если бы
всей земле
паклю
привязать
к хвосту?!.
Затем —
обедает,
как все люди,
лишь жаркое

живьем подают на блюде.

Нравится:

пища питит!

Ворочает вилкой

с медленной ленью:

крови вид

разжигает аппетит

и способствует пищеварению.

За обедом

любит

полакать

молока.

Лакает бидонами, —

бидоны те

сами

в рот текут.

Молоко

берется

от рурских детей;

молочница —

генерал Дегут.

Пищеварению в лад

переваривая пищу,

любит

гулять

по дороге к кладбищу.

Если похороны, —

идет сзади,

тихо похихикивает,

на гроб глядя.

Разулыбавшись так,

Пуанкарэ

любит

попасть

под кодак.

Утром

слушает,

от восторга горя,

газетчик

Парижем

заливается

в мили:

— Юманитэ!

Пуанкаря —

последний портрет —

хохочет

на могиле.—

От Парижа

по самый Рур —

смех

да чавк.

Балагур!

Весельчак!

Пуанкарэ

и искусством заниматься тщится.

Пуанкарэ

любит

антикварные вещицы.

Вечером

дает эстетике волю:

орамив золотом,

глазками ворьими;

любуется

траченными молью

Версальским

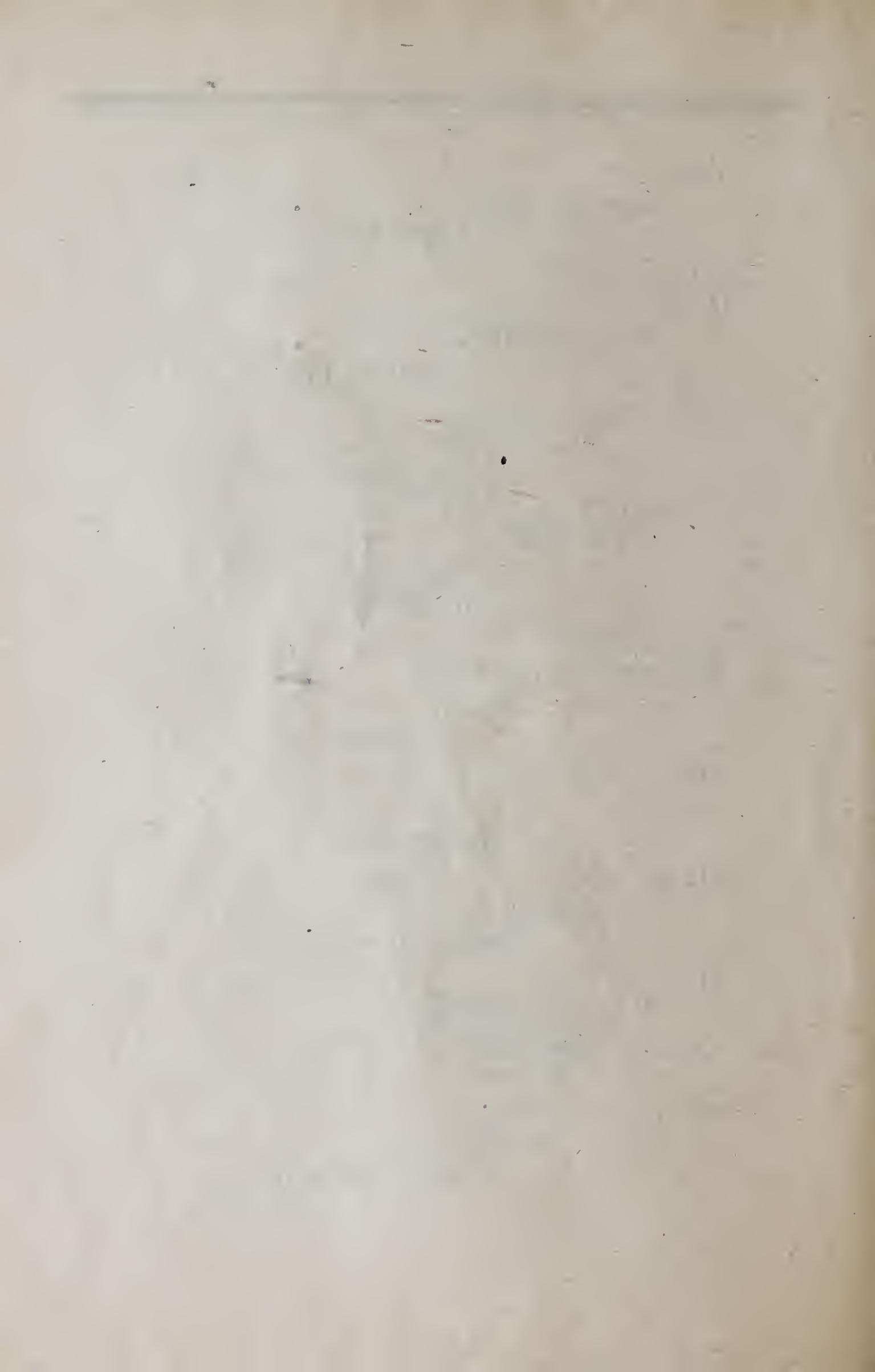
и прочими договорами.
К ночи
ищет развлечений потише.
За день
уморен
делами тяжкими,
ловит
по очереди
своих детишек
и, хохоча
от удовольствия,
сечет подтяжками.
Похлестывая дочку,
приговаривает
меж ржаний:

„Эх,
быть бы тебе
Германией,
а не Жанной!“
Ночь.
Не подчиняясь
обычной рутине,
— не ему
за подушки,
за одеяла браться, —
Пуанкарэ
соткет
и спит
в паутине
репараций.
Веселенький персонаж
держит
в ручках
мир
наш.

Примечание:

Мусье,
не правда ли,
похож до нити?!.
Нет?
Извините!
Сами виноваты:
вы же
не представились
мне
в мою бытность
в Париже.

МУССОЛИНИ.

Куда глаза не кинем, —
газеты

полны

именем Муссолиньим.

Для не видевших

рисую Муссолини я.

Точка в точку,

в линию линия.

Родители Муссолини,

не пыжьтесь в критике!

Не похож?

Точнейшая

копия политики.

У Муссолини

вид

ахов:

Голые конечности,

черная рубаха;

на руках

и на ногах

тыщи

кустов

шерстищи.

Руки
до пяток
метут низы.
В общем,
у Муссолини
вид шимпанзы.
Лица нет,
вместо —
огромный
знак погромный.
Столько ноздрей
у человека! —
зря!
У Муссолини
всего
одна ноздря,
да и та
разодрана
пополам ровно
при дележе
ворованного.
Муссолини
весь
в блеске регалий.
Таким
оружием
не сразить врага ли?!.
Без шпалера,
без шпаги,
но
вооружен здорово:
на боку
целый

литр касторовый;
когда
                плеснут
                        касторку в рот те,
не повозражаешь
                        фашистской
  роте.
Чтобы всюду
                        Муссолини
  чувствовалось как дома, —
в лапище
                        связка
                                отмычек и фомок.
В министерстве
                        первое
  выступление премьера.
было
                скандалом,
                        не имеющим примера.
Чешет Муссолини,
                        а не поймешь
                                ни бельмеса.
Хорошо, —
                нашелся
                        переводчик бесплатный.
— Т-ш-ш-ш! —
                        пронеслось,
  как зефир среди леса.
— Это
                язык
                        блатный! —
Пришлось,
                чтоб точить

дипломатические лясы,
для министров
открыть
вечерние классы.
Министры подучились,
даже без труда
без особенного, —
меж министрами
много
народу способного.
У фашистов,
вообще,
к знанию тяга:
хоть раз
гляньте,
с какой жаждой
Муссолиниева ватага
накидывается
на „Аванти“.
После
этой
работы упорной,
от газеты
не остается
даже кассы наборной.
Вначале
Муссолини,
как и всякий Азеф,
социалистничал,
на митингах раззевая зев.
Во время
пребывания
в рабочей рати,

изучил,
какие такие Серрати,
и нынче
может
голыми руками
братъ
и рассаживать
за решотки камер.

Идеал
Муссолиний—
наш Петр.

Чтоб догнать его,
лезет из пота в пот.

Портрет Петра.
Вглядываясь в лик его,

говорит:
я выше,
как ни кинуть.

Что там
дубинка
у Петра
у Великого!

А я
ношу
целую дубину.

Политикой не исчерпывается;—
не на век же весь ее!

Муссолини
не забывает
и основную профессию.

Возвращаясь с погрома
или с развлечений иных,

Муссолини
не признает
ключей дверных.
Демонстрирует
министрам,
как можно
не громко
любую дверь
взломать фомкой.
Карьере
не лет же до ста расти.
Надавят коммунисты,—
пустишь сок.
А это
все же
в старости
небольшой,
но верный кусок.

А пока
на свободе
резвится этаким,
жиреет,
блестит
от жирного глянца.
А почему он
не в зверинце,
не за решоткой,
не в клетке?

Это
частное дело
итальянцев.

Примечание:

По-моему
портрет
удачный выдался.

Может
не похожа
какая точьца.

Говоря откровенно,
я
с ним
не виделся.

Да, собственно говоря,
и не очень хочется.

Хоть шкура
у меня
и не очень пушистая,

боюсь,
не пригляделся-б
какому фашисту я.

К Е Р З О Н.

Многие
        слышали звон,
да не знают,
        что такое —
                        Керзон.

В редком селе,
        у редкого города
имеется
        карточка
                        знаменитого лорда.

Гордого лорда
        запечатлеть рад.

Но я,
        разумеется,
                        не фотографический аппарат.

Что толку
        в лордовой морде нам?!

Лорда
        рисую
                по делам
                        по лординым.

У Керзона
        замечательный вид:

Сразу видно —

Керзон родовит.

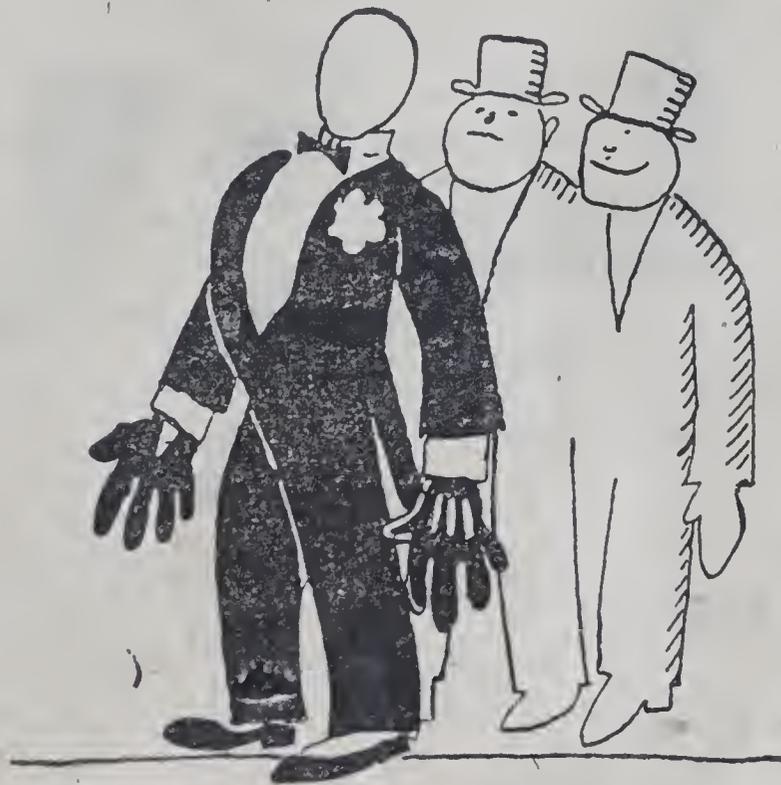
Лысина,

двумя волосенками припомажена.

Лица не имеется:

деталь —

не важно

(лицо

принимает,

какое модно,

какое

английским купцам угодно).

Керзон красив —

хоть на выставку выставь.

Во-первых,

у Керзона,

как и необходимо

для империалистов,

вместо мелочей,
на лице
один рот:
то ест,
то орет.
Самое удивительное
в Керзоне —
аппетит.
Во что
умудряется
столько итти?!

Заправляет
одних только
мурманских осетров
по тралеру
ежедневно
в желудок-ров.

Бойся
Керзону
в зубы даваться, —
аппетит его
за обедом
склонен разрастаться.

И глотка хороша.
Из этой
глотки
голос —
это не голос,
а медь.

Но иногда
испускает
фальшивые нотки,
если на ухо

наш
наступает медведь.
Хоть голос бочкин,
за версты дно там,
но толк
от нот от этих
мал.

Рабочие
в ответ
по этим нотам
распевают
Интернационал.

Керзон
одеждой
надает очок!
Разглаженнейшие брючки
и изящнейший фракчок;

Моментально

водворит мир,
рассказав им
друг про друга.

Мужу скажет:

„Не слушайте
сплетни,
Не старик к ней ходит,
а несовершеннолетний“.

А жене:

„Не верьте,
сплетня о шансонетке;
не от нее,
от другой
у мужа
детки“.

Вцепится

жена
мужу
в бороду

и тянет

книзу,—
лафа Керзону
лорду-

маркизу.

Говорит,

похихикивая
подобающе сану:
— Ну, и устроил я им
Лозанну!

Многим

выяснится
в этой миниатюрке,

из-за кого

задрались
греки
и турки.

В нотах

Керзон
удал,

в гневе

яр,
но можно

умилостивить,
показав доллар.

Нет обиды,

кою
было бы невозможно
смыть деньгою.

Давайте доллары,

гоните шиллинги,
и снова

Керзон —
добрый
и миленький.

Был бы

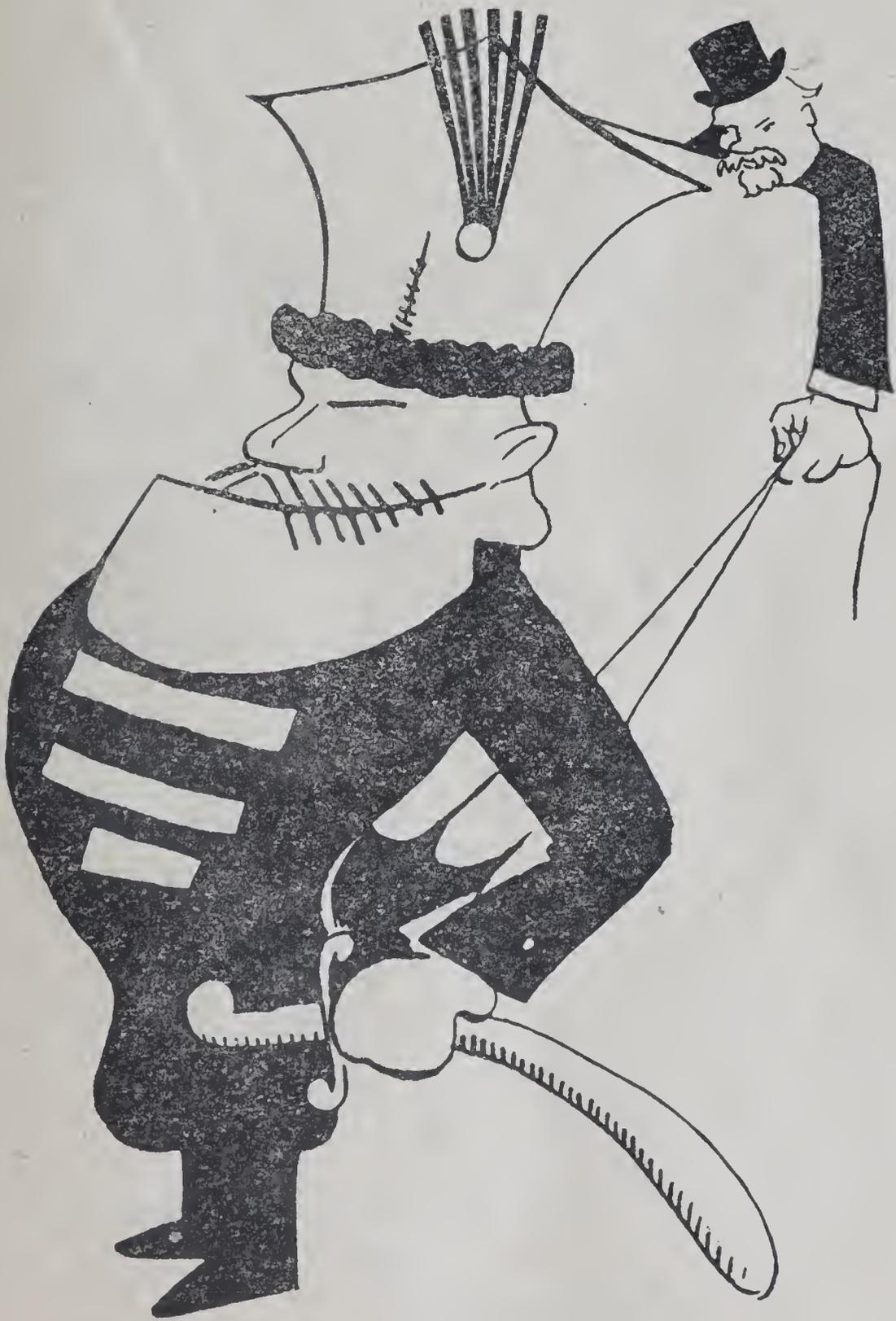
полной чашей
Керзоний дом,
да зловредная организация
у Керзона
бельмом.

Снится

за ночь
Керзону
раз сто,
как Шумяцкий

ПИЛСУДСКИЙ.

Чьи уши —
                  не ваши ли —
не слышали
                  о грозном
                  фельдмаршале?!.
Склонитесь,
                  забудьте
                                  суеты
                                  и суетцы!

Поджилки
                  не трясутся у кого!
Мною
                  рисуетя
портрет Пилсудского.

Р о с т.

У Пилсудского
                  нет
                                  никакого роста.

Вернее,
                  росты у него разные:
маленький, —

если быют,
большой, —
если победу празднует.
Когда
старается
вырасти рьяней,
к нему
красноармейца приставляют
няней.

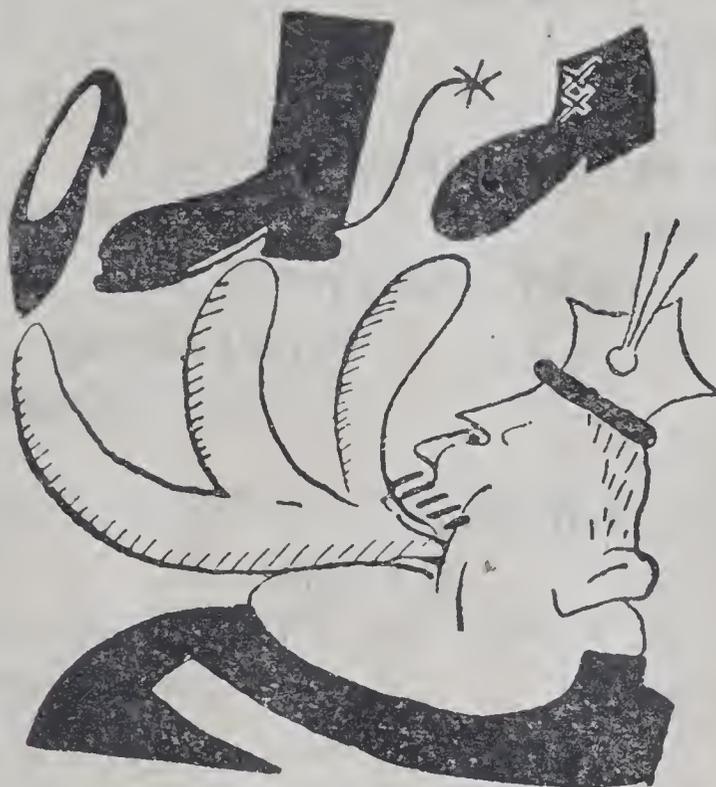
Впрочем,
военная
не привлекает трель его:
не краснозвездников,
а краснокрестников норовит рас-
стреливать.

Г о л о в а.

Крохотный лоб.
Только для кокарды:
уместилась чтоб.
А под лобиком
сейчас же
идут челюстищи,
зубов на тыщу
или
на две тыщи.
Смотри,
чтоб челюстьце
не попалась работца,
а то
разрастется.

Приоткрывается челюсть,
жря
или зыкая,
а там,
вместо языка —

верста трезыкая.

Почему
уважаемый воин
так
обильно
языками благоустроен?
А потому
такое
языков количество,
что три сапога,
по сапогу на величество,
а иногда
необходимо,

чтоб пан мог
вылизывать
единовременно
трое сапог.

Во-первых,
фошевы
подошвы;
Френчу
звездочку шпорову
да туфлю
собственному
буржуазному
борову.

Стоит
на коленках
и лижет,
и лижет,
только сзади
блестят
пуговицы яркие.

Никто
никогда
не становился ниже:

Пилсудский
даже ниже
польской марки.

А чтоб в глаза
не бросился
лизательный снаряд,—
над челюстью
усищев жесткий ряд.

Никто
не видал

Пилсудского телеса.

Думаю,

под рубашкой

Пилсудский — лиса.

Одежда:

мундир,

в золото выткан,

а сзади к мундиру

длиннющая нитка;

конец к мундиру,

а конец второй —

держится

Пуанкарой.

Дернет, —

Пилсудский дрыгнет ляжкой.

Дернет, —

Пилсудский звякнет шашкой.

Характер пилсудчий —

сучий.

Подходит хозяин, —

хвостика выкрут.

Скажет:

„куси“, —

вопьется в икру.

За то

и сахар

попадает

на носик

этой

злейшей

из антантовских мосек.

То новеньким

заменяет

жупан драненький,
то танк подарят,
то просто франки.
Устрой
перерыв
в хозяйских харчах, —
и пес
моментально-б
сник
и зачах.
Должен
и вере
дать дань я,
и убеждения
оттенить
до последних толик:
Пислудский
был
социалистического вероисповедания,
но
по убеждению
всегда
иезуит-католик.
Демократизм прихрамывает,
староват одер,
у рабочих
в одра
исчезает вера.
Придется
и Пилсудскому
задать деру
из

Из своего
Бельведера.

Примечание:

Не очень ли
портрет
выглядит подленько?

Пожалуй,
но все же,
не подлей подлинника.

С Т И Н Н Е С.

В Германии,
куда ни кинешься,
выжужживается
имя
Стиннеса.

Разумеется,
не резцу
его обрезать,
недостаточно
ни букв,
ни линий ему.

Со Стиннеса
надо
писать образа.

Минимум.

Сам.

Все —
и ряды городов,
и сел —
перед Стиннесом
падают
нищ.

Стиннес —

в роде
солнец.
Даже солнце тусклей
пялит
на земь
оба глаза
и золотозубый рот.
Солнце
шляется
по земным грязям,
Стиннес —
наоборот.
К нему
с земли поднимаются лучики —
прибыли,
ренты
и прочие получки.
Ни солнцу,
ни Стиннесу
— страны насест,
наций узы:
„интернационалист“ —
и немца съест
и француза.
Под ногами его
враг
разит врага.
Мертвые
падают —
рота на роте.
А у Стиннеса —
в Германии
одна

нога,
а другая —
напротив.

На Стиннесе
все держится:

Сила!

Это

даже

не громовержец,

а громоверзила.

У Стиннеса

столько —

частей тела,

что запомнить —

немыслимое дело.

Так,

вместо рта,

у Стиннеса

рейхстаг.

Ноги —

германские желдороги.

Без денег

карман —

болтается задарма,

да и много ли

снесешь

в кармане их?!

А Стиннеса

карман —

госбанк Германии.

У человека

слабенькие голоса,

а у многих

и слабенького нет.

Голос

Стиннеса —

каждая полоса

тысячи

германских газет.

Даже думать,

и то

незачем ему:

все Шпенглеры —

только

Стиннесов ум.

Глаза его —

божьего

глаза

ярче,

и в каждом,

вместо зрачка —

долларчик.

У нас

для пищеварения

кишечки узкие,

не велика доблесть.

А у Стиннеса —

целая

Рурская

область.

У нас пальцы, —

чтоб работой пылиться.

А у Стиннеса

пальцы —

вся полиция.

Оперение?

Из ничего умеет оперяться,
даже
из репараций.

А чтоб рабочие
не пробовали
вздеть уздечки,
у Стиннеса
даже
собственные эсдечики:
Немецкие
эсдечики эти
кинутся
на все в свете,
и на врага,
и на друга,
на все,
кроме собственности

Стиннеса

Гуго.

Растет он,
как солнце:
вырастает в горах.

Над немцами
нависает
мало-по-малу.

Золотом
в мешке
рубахи-крахмала.

Стоит он,
в самое небо всинясь.

Галстуком
мешок
завязан туго.

Таков
Стиннес
Гуго.

Примечание:

Не исчерпают
сиятельного
строки написанные, —
целые
нужны бы
школы иконописные.

Надеюсь
скоро
это солнце
разрисуют саксонцы.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ.

Воскуря фимиам,
восторг воскрыля,
не закрывая
отверзтаго
в хвальбе рта,—
славьте
социалиста
его величества, короля
Альберта!
Смотрите-ж!
Какого чорта лешего!
Какой
роскошнейший
открывается вид нам!
Видите,
видите его,
светлейшего?
Видите?
Не видно!
Не видно?
Это оттого,
что Вандервельде
для глаза тяжел.

Окраска

глаза

выжигает зноем.

Вандервельде

до того,

до того желт,

что просто

глаза слепит желтизною.

Вместо волоса

желтенький пушок стелется.

Желтые ботиночки,

желтые одежонки.

Под желтенькой кожицей

желтенькое тельце.

В карманчикахах

желтые

антантины деньжонки.

Желтенькое сердечко,

желтенький ум.

Душонку

желтенькие чувства рассияли.

Только ушки

розоватые

после путешествия в Москву,

да пальчик

в чернилах —

подписывался в Версале.

При взгляде

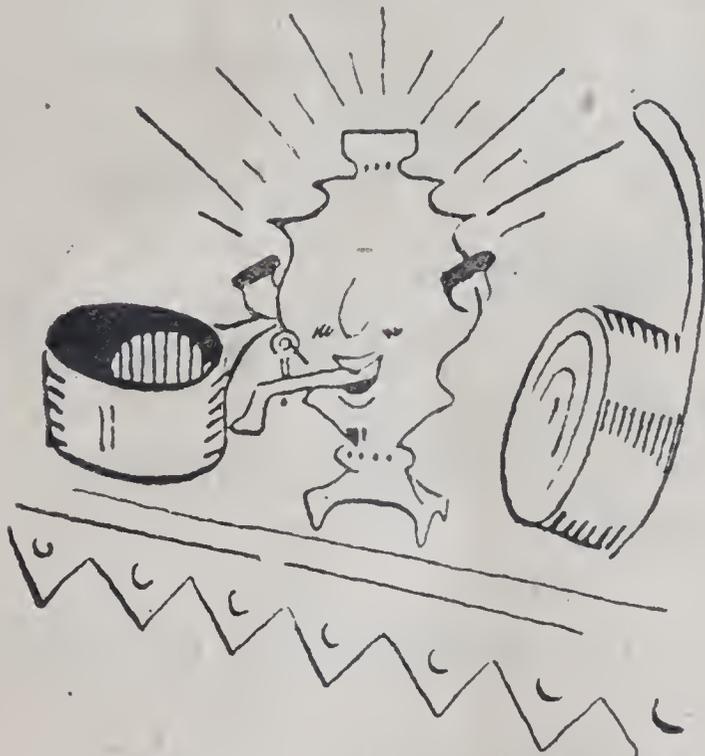
на дела его

и на него самого,

я

я разумеется
совсем не острою,—
так и хочется
из Вандервельде
сделать самовар
или дюжинку
новеньких
медножелтых кастрюль.
Сделать бы —
и на полки
антантовских кухон,
Чтоб вечно
челядь
глазели глаза его.
Чтоб даже,

когда
испустит дух он,
От Вандервельде
пользу видели хозяева.

вполне соответствует наружности.
У Вандервельде
качеств множество.
Но,
не занимаясь психоложеством,
выделю одно:
до боли
Эмиль
сердоболен.
Услышит,
что где-то;
кого-то судят, —
Сквозь снег,
за мили —
огнем
юридическим
выжегши груди,
несется
защитник,
рыцарь Эмилий.
Особенно,
когда
желторозовые мальчики
густо,
как сельди,
набьются
в своем
втором интернациональчике.
Тогда
особенно прекрасен Вандервельде.

ядовитою брызнет.
Весь мир обойдет.
Слова бродяги,
каждый пенъ обшарят,
каждый куст.
И снова
начинает
язык втягивать
соглашательский Златоуст.
Оркестры,
играйте туш!
Публика,
неистовствуй,
ура горя!
Таков Вандервельде —
социалист-душка,
социалист
его величества, короля.

Примечание:

Скажут:
к чему
эти сатирические трели?!
Обличения Вандервельде
поседали
устарели.
Что Вандервельде!
Безобидная овечка.

Да.

Но из-за Вандервельде
глядят

тысячи

отечественных

вандервельдчиков.

и

вандервельдят.

ГОМ П Е Р С.

Из вас

никто —

ни с компасом,

ни без компаса —

никак

и никогда

не сыщется Гомперса.

Многие

даже не знают,

что это:

фрукт,

фамилия

или принадлежность туалета.

А в Америке

это имя

гремит, как гром.

Знает каждый человек,

и лошадь,

и пес:

„А!

как же,

знаем,

знаем —

знаменитейший
уважаемый Гомперс!“

Чтоб вам

мозги

не сворачивало от боли,

чтоб вас

не разрывало недоумение,—

сообщаю:

Гомперс —

человек,

более

или менее.

Самое неожиданное,

как в солнце дождь,—

что Гомперс—

величается —

„рабочий вождь“!

Но Гомперсу

гимны слагать

рановато.

Советую

осмотреться, ждя —

больно уж

вид странноватый

у этого

величественного

американского вождя.

Дактилоскопией

снимать бы

подобных выжиг,

чтоб каждый

троевидно видеть мог.

Но...

половинная,
всего половина,
и то —
правая —
Но где же левая,
левая где же?!

Открою —
проще
нет ларчика:
куплена
миллиардерами
Рокфеллерами,
Корнеджи.

Дыра,
и слегка
прикрыта
долларчиком.

Ходить
на двух ногах
старо.

Но себя
на одной
трудно нести.

Гомперс
прихрамывает
от односторонности.

Плетется он
у рабочего движения в хвосте.

Меж министрами
треплется
полубородка полуседая.

Раскланиваясь
разлюбезно

не любит бездельников.
Работать будете, —
погладит по головке.
Для гуляний
разве
мало понедельников?!.

Я сам —
рабочий бывший,
лишь теперь
у меня
буржуазная родня.

Я,
по понедельникам много пивший,
утверждаю:
нет
превосходнее
дня.

А, главное,
помните:

большевики —
буки,
собственность отменили!
Аж курам смех!
Словом,
если к горлу
к большевичьему
протянем руки, —
помогите
Рокфеллерам
с ног
со всех“.

Позволяют ему,
если речь
черезчур гаденька,
даже
к ручке приложиться
президента Гардинга.

ВЫВОД —

в слепую

не беги за вождем.

Сначала посмотрим,

сначала подождем.

Чтоб после

не пришлось солоно, —

говорунов

сильнее школь.

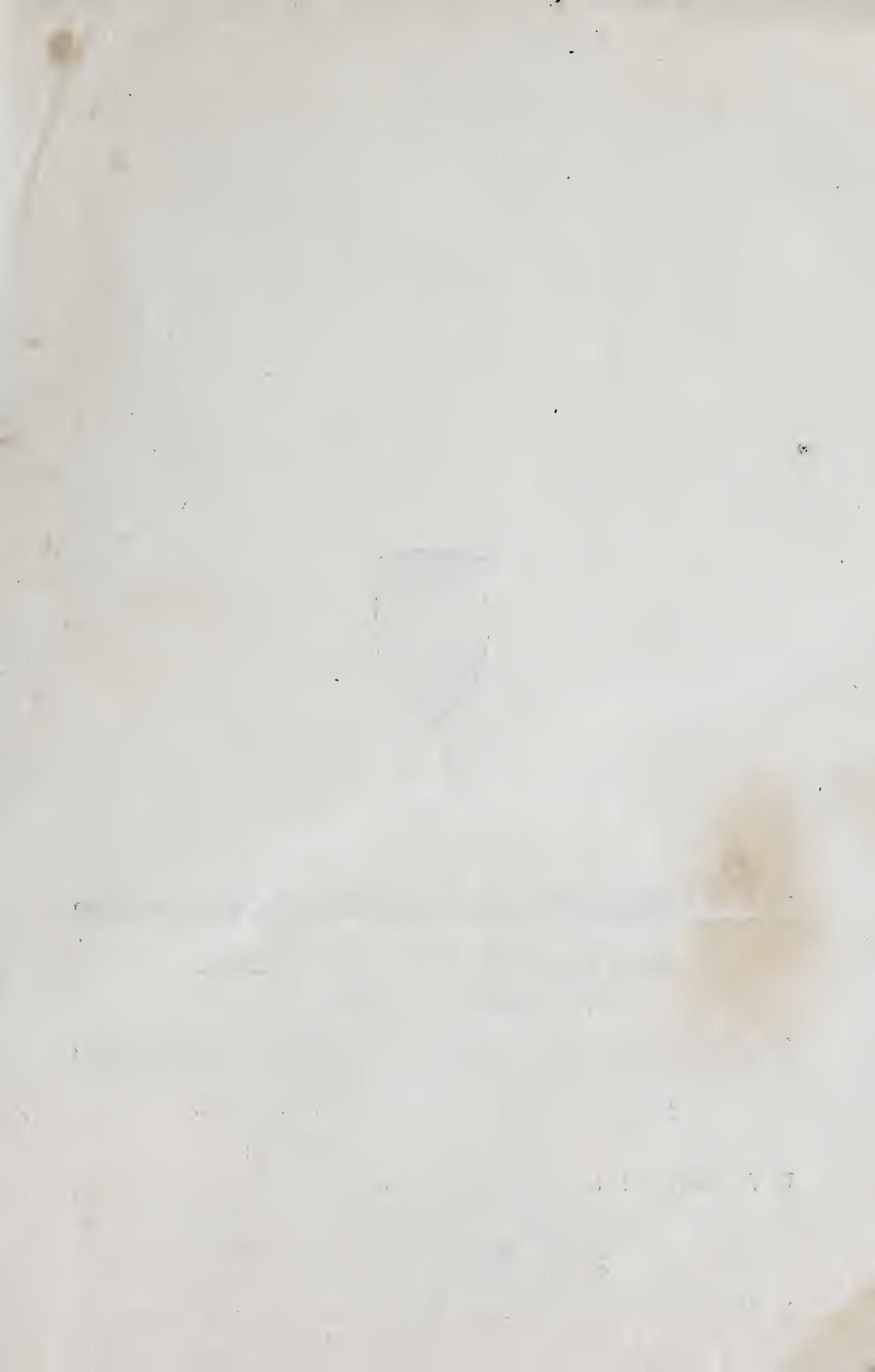
Иного

вождя

за ушко

да на солнышко.

2 -
4 -
8 -

**СКЛАД ИЗДАНИЙ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР**

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Милютинский пер., д. № 22.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

- В МОСКВЕ:** 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“ — пл. Свердлова, 2-й дом Советов.
2. Б. Сухаревская пл., № 16.
- В ПЕТРОГРАДЕ:** Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).